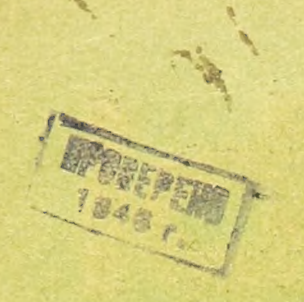
КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 39

МОСКВА,
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1912.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи Н. К. Рериха.

Картины по русской исторіи,

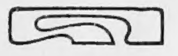
изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

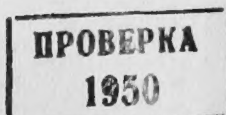
къ картинѣ № 39.

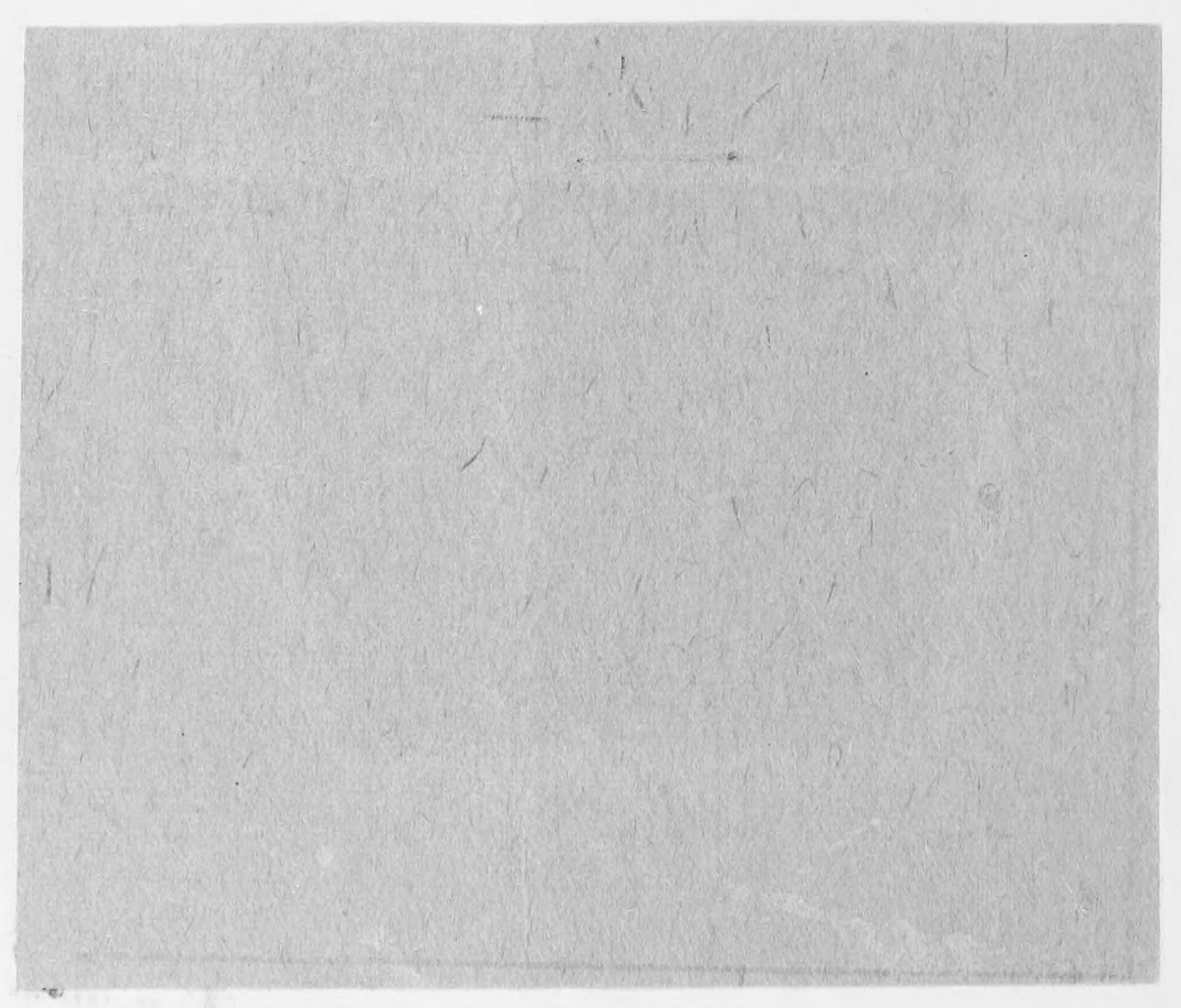
А. Н. Бенуа. Лагерь Екатерининскихъ солдатъ.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1912.

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.
1912.

Русское войско при Екатеринѣ II.

(Къ картинѣ А. Н. Бенуа. Лагерь Екатерининскихъ солдатъ.)

На картинѣ изображенъ лагерь русскихъ солдатъ Екатерининской эпохи, столь счастливой и славной для русскаго оружія. Вдали виднѣется осажденная русскими турецкая крѣпость. Направо полевое укрѣпленіе для защиты лагеря отъ вылазокъ изъ крѣпости. Тутъ же стоятъ невидныя на картинѣ осадныя орудія. На валу развѣвается знамя. Это значитъ, что здѣсь же ставка командующаго. Должно быть, близокъ рѣшительный моментъ штурма, и командующій, можетъ быть, самъ Суворовъ, готовитъ рѣшительный ударъ. Ужъ были схватки боевыя. На картинѣ видны раненые, которые перевязываютъ памятные слѣды славнаго боя. На переднемъ планѣ уцѣлѣвшіе отъ ранъ оживленно разсказываютъ товарищамъ, что пришлось имъ пережить. Тѣ слушаютъ, объятые серьезной думой о предстоящихъ и имъ подвигахъ и опасностяхъ. Впереди бой на жизнь и смерть.

У Суворова отступленія нѣтъ. Это знаютъ всѣ. Но всѣ знаютъ и то, что, гдѣ Суворовъ, тамъ побѣда. Настроеніе серьезное, но увѣренные въ своемъ вождѣ, увѣренные въ своихъ силахъ и въ побѣдѣ воины спокойны. Далеко впереди маячатъ длинныя казацкія пики.—Это—возвращающійся съ ночной рекогносцировки отрядъ донцовъ. Несмотря на близкую опасность, обычная лагерная жизнь идетъ своимъ чередомъ. Занятъ своимъ дѣломъ полковой цирюльникъ, онъ же фельдшеръ, а часто и докторъ. Маркитантъ—бойкій ярославскій торговецъ—вывезъ свою бричку, лавочку и бойко торгуетъ. Онъ скупаетъ у солдатъ ихъ добычу, продаетъ или мѣняетъ свой товаръ на все, нужное солдату. У этого ловкаго торговца—его лавочка-телѣжка цѣлый домъ, и чего-чего только не сумѣлъ торговецъ уложить въ нее—тутъ и рубахи, и иголки, и пряники, и холстина, найдется и водка—только дорого она стоитъ. Торговать водкой въ лагерѣ запрещено подъ смертной казнью, но страсть къ на-

живѣ продавца, страсть выпить лишнее у истомленныхъ трудной военной тяготой людей преодолѣваютъ страхъ тяжкаго взысканія. Продавецъ ловко прячетъ запрещенную влагу: въ пустомъ хомутѣ, въ выдолбленной оглоблѣ, подъ двойнымъ дномъ телѣги и мало ли гдѣ еще, но только желающій найдетъ запрещенную влагу у торговца, который отпуститъ ее дороже, чѣмъ на вѣсъ золота.

Пріѣхалъ въ лагерь гяуровъ и «мирный» туземный торговецъ съ восточными товарами—шалями, шелковыми матеріями, цареградскими трубками — гяуры захотятъ купить что-нибудь на память, отвезти на свою далекую родину и не пожалѣютъ золота. Бравый трубачъ въ своемъ расшитомъ мундирѣ трубитъ сборъ... Начался день въ лагерѣ... Дымки ночныхъ костровъ слабо подымаются надъ лагеремъ... Кашевары кончаютъ свое дѣло. Господа командиры на валу собрались для выслушиванія приказаній на наступающій день... Среди нихъ замѣтно тревожное движеніе, оживленная бесѣда. Должно быть, день пройдетъ не мирно, и къ вечеру многихъ храбрыхъ не досчитается въ своихъ рядахъ семья воиновъ. Но пока шумъ военной тревоги мало чувствуется въ лагерной обстановкѣ.

Что представляла изъ себя русская армія временъ Екатерины II? Царствованіе Екатерины II ознаменовано такимъ множествомъ побѣдъ и военныхъ успѣховъ, что боевыя качества тогдашнихъ русскихъ войскъ могутъ стоять внѣ сомнѣній. Русскій солдатъ тѣхъ временъ въ исполненіи своего воинскаго долга не уступалъ солдату любой арміи тѣхъ временъ. Къ сожалѣнію, не все обстояло благополучно въ той обстановкѣ, въ которой приходилось жить и нести тяжкое бремя воинскаго труда екатерининскому солдату. Управленіе арміей и ея организація находились далеко не въ соотвѣтствіи съ высокими воинскими качествами солдатъ. Въ хозяйственной части и въ общемъ строѣ службы, особенно къ концу царствованія Екатерины, господствовали большія злоупотребленія. Царство временщиковъ и фаворитовъ тяжко отзывалось на арміи. Безъ протекціи, выстаиваемой въ переднихъ такихъ людей какъ П. А. Зубовъ, ничего общаго съ арміей не имѣвшихъ, порою было немыслимо никакое движеніе по службѣ для офицеровъ. Начальники дивизій и равную съ ними власть имѣвшія лица окружали себя множествомъ молодыхъ офицеровъ безъ всякой надобности и пользы, чтобы имѣть по возможности большой штабъ. «До того уже дошло,—писалъ генералъ Вильбуа,—что

почти каждый фельдмаршалъ и генералъ-аншефъ при своемъ штабѣ ихъ множество счисляетъ, и оные по большей части почти не служа изъ малыхъ чиновъ въ оные по родству, протекціями и черезъ пріязни происходятъ и въ короткое время въ штабъ-офицеры и полковые командиры возвышаются, а на ихъ мѣста другіе равномѣрно же берутся и таковые въ полки съ награжденіемъ переходятъ. Сколько же это службѣ не полезно, а при полкахъ дѣйствительно и исправно служащимъ офицерамъ обидно, разсудить легко».

Большое зло въ офицерскомъ корпусѣ создавалось отъ обычая записывать на военную службу еще ребятъ. Такіе малолѣтніе, записанные на службу въ гвардію, жили при родителяхъ, получали по линіи повышенія и къ совершеннолѣтнему возрасту оказывались уже «въ добрыхъ офицерскихъ чинахъ» и поступали на дѣйствительную службу капитанами, майорами и даже полковниками. «Не опытные ни въ жизни, ни въ службѣ они становились начальниками людей, посѣдѣвшихъ въ бояхъ».

Въ Елизаветинское время и долго послѣ въ офицерскую семью русской арміи принимали часто безъ всякаго разбора иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, среди которыхъ, по словамъ современника, видали: «камердинеровъ, купцовъ, учителей»—все людей съ военнымъ дѣломъ имѣвшихъ мало что общаго.

Офицерскій чинъ доставался многимъ безъ всякаго затрудненія: случалось, что капитанскимъ или майорскимъ чиномъ жаловали подрядчика, умѣвшаго угодить сильному и вліятельному лицу. Конечно, такіе офицеры были только по имени военными и дѣло свое знали плохо или совсѣмъ не знали. Большинство офицеровъ было мало или вовсе неграмотно и даже въ павловское время за многихъ полковыхъ командировъ подписывали бумаги ихъ адъютанты.

«Такое невѣжество,—говоритъ академикъ Н. Дубровинъ,—происходило отъ двухъ противоположныхъ причинъ: роскоши и бѣдности. Все, что имѣло достатокъ и богатство, стремилось въ гвардію, гдѣ можно было составить себѣ карьеру безъ всякихъ видимыхъ достоинствъ. Для службы въ гвардіи необходимо было богатство и внѣшній наружный лоскъ. Офицеры вели жизнь изнѣженную, роскошную и служить въ гвардіи человѣку вполнѣ достойному, но бѣдному было почти невозможно. При проѣздѣ чрезъ Могилевъ (въ 1782 г.) великій князь Павелъ

Петровичъ, увидя молодого Энгельгардта и узнавъ отъ отца его, что мальчикъ записанъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ, сказалъ: «Пожалуй, не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобы онъ развратился». Гвардейскій офицеръ обязанъ былъ имѣть большую и хорошо меблированную квартиру, цѣлую стаю слугъ въ прихожихъ и переднихъ и, наконецъ, собственный экипажъ и нѣсколько лошадей на конюшнѣ... Гвардейскіе офицеры вообще были больше люди придворные, чѣмъ строевые. Щеголяли охотнѣе въ роскошныхъ статскихъ кафтанахъ, нежели носили военную форму. Особымъ шикомъ считалась «изнѣженность», и потому муфты, дорогія шубы и кареты считались необходимыми въ спискѣ вещей офицера. Службой занимались мало и все время посвящали свѣтской жизни съ ея балами, гуляньями, маскарадами и карточной игрой.

Въ арміи офицерская жизнь шла совсѣмъ по другому. Тамъ царила бѣдность, лишеніе въ самомъ необходимомъ, порою прямо нищета.

«Слышно намъ,—писала императрица Екатерина въ началѣ 1770-хъ годовъ,—яко бы въ полкахъ армейскихъ многіе оберъ-офицеры, не имѣющіе собственнаго достатка, а содержащіе себя однимъ только жалованьемъ, такую претерпѣваютъ нужду и бѣдность, что для вседневной пищи иные рады были бы имѣть мѣсто въ обществѣ артелей солдатскихъ».

Младшему офицерству приходилось много терпѣть отъ «высшихъ командировъ», облеченныхъ почти безотвѣтственной властью и не всегда стоявшихъ на высотѣ тѣхъ требованій заботливости и доброты въ обхожденіи съ подчиненными, которыя лежали въ основѣ закона, предоставлявшаго большія права старшимъ надъ младшими. Въ то время отдѣльныя вещи и предметы офицерскаго вооруженія и снаряженія полагались офицерамъ отъ полка, т.-е. пріобрѣтались и дѣлались на суммы полковой казны, и стоимость вычиталась при условіи долговременной разсрочки изъ жалованья офицеровъ. «Соблюдая свои личные интересы,—говорилъ акад. Н. Ф. Дубровинъ,—полковые командиры дѣлали огромные вычеты изъ жалованья подъ предлогомъ необходимости употребить ихъ на обновленіе офицерскихъ вещей. «Не обращая вниманія на то,—сказано въ одной современной запискѣ,—останется ли офицеру что-нибудь на пищу и прочее содержаніе, полковые командиры хлопотали только объ одномъ, что бы офицеръ былъ «нарядёнъ»

въ строю. Отчего бѣдные дворяне, не имѣющіе изъ домовъ своихъ помощи, самою гнусною пищею довольствовались». «Сверхъ того, многіе полковые командиры употребляли вычтенныя съ офицеровъ деньги на собственныя надобности и дѣлали это совершенно безнаказанно, потому что офицеры отчетовъ отъ нихъ требовать не смѣли...» «Многіе штабъ-офицеры добивались командованія полкомъ исключительно въ цѣляхъ поправить свои собственныя разстроенныя денежныя дѣла путемъ самовольнаго распоряженія суммами полка. Дѣлалось это очень просто. Экономили на пропитаніи солдатъ, долго не исключали изъ списковъ умершихъ, получая на нихъ, какъ на живыхъ, казенное жалованье. Суворовъ пишетъ въ одномъ своемъ письмѣ пріятелю, что разъ посылаетъ онъ изъ Екатеринослава письмо; посылаемый офицеръ, ординарецъ Суворова, проситъ генерала при этомъ случаѣ отчислить его обратно въ роту. «Зыбинъ, что вы бѣжите въ роту? развѣ у меня вамъ худо? скажите по совѣсти?» спрашиваетъ Суворовъ.—«Да мнѣ тамъ на прожитокъ въ годъ 1000 рублей очищается!»—«Откуда?»—«Отъ мертвыхъ солдатъ!»

«Злоупотребленія и обширная власть, предоставленная полковымъ командирамъ, предавали офицеровъ въ полную ихъ зависимость, дѣлали ихъ прислужниками и рабами... Расходуя незаконно деньги, полковые командиры прикрывали эту незаконность тѣмъ, что заставляли и ротныхъ командировъ подписывать квитанціи и ордеры такихъ расходовъ, такъ что въ случаяхъ открытія такого рода преступленій должны были отвѣчать и ротные командиры. Поэтому многіе младшіе офицеры, какъ говорится въ современной запискѣ,—не желая быть подъ взысканіемъ считали лучшимъ выходить въ отставку, и армія лишалась благодаря этому многихъ дѣльныхъ и честныхъ офицеровъ. Отданные закономъ въ полную зависимость отъ командировъ, младшіе офицеры ставились иногда въ необходимость исполнять обязанности курьеровъ по частнымъ надобностямъ начальства, завѣдывали хозяйствомъ полковника, его домашними дѣлами и т. п. За это, подъ предлогомъ командировокъ для исполненія разныхъ якобы казенныхъ порученій послушные незаконнымъ требованіямъ офицеры пользовались различными льготами—легко получали отпуски, вообще могли манкировать службой, жили больше въ своихъ имѣніяхъ, не принося пользы службѣ, которая, по словамъ современника, «отправляется оставшимися бѣднявами весьма исподволь». Обращеніе высшаго на-

чальства съ младшими отличалось ненужной суровостью и грубостью.

«Полковники и полковые командиры,—пишетъ современникъ,—поступаютъ съ офицерами сурово и презрительно, опредѣляя за небольшiе проступки не малыя наказанья, а болѣе считаютъ офицеры за обиду то, что иногда передъ фронтомъ непристойной бранью и поносными словами обруганы бываютъ». Все это доводило офицеровъ «до унынiя».

Еще тяжелѣе жилось солдату. Всѣ армiи тогдашней Европы были устроены по образцу армiи Фридриха Великаго, гдѣ больше всего стремились добиться отъ солдата того, чтобы онъ былъ нарядной, недумающей и не разсуждающей автоматической машиной, красиво и ловко умѣющей дѣлать ружейные прiемы, маршировать и слѣпо исполнять все, что ни прикажетъ начальство. И въ нашу армiю проникли съ Елизаветинскихъ временъ эти требованiя, которыя въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ, какъ вообще всякое подражанiе, были доведены до крайностей. Генералъ Хрущовъ разсказываетъ, что въ его время, когда онъ былъ «самымъ маленькимъ офицеромъ», «уборка волосъ (косы и пукли) и щегольское одѣянiе солдата первымъ предметомъ поставлялось. Узкая одежда и принужденныя фигуры во фронтѣ и по одиночкѣ изнуряли человѣчество. Чтобы въ маршѣ не гнуть колѣна, подвязывались лубки, и, словомъ, такъ одѣвали, что ежели положить человѣка наземь, то никоимъ образомъ самъ собою безъ помощи другого встать не можетъ... А въ нѣкоторыхъ полкахъ былъ сдѣланъ такой станокъ, въ которомъ, чтобы прямъ былъ солдатъ, на нѣсколько часовъ поставя, винтомъ завинчивали; когда на караулъ должно идти ротѣ, то за сутки начнутъ убирать волосы, и убравши люди не могутъ спать иначе, какъ сидя...» Въ уставѣ о конной экзерцицiи было сказано, что во время пѣшаго ученья и карауловъ «сверхъ всегдашняго приборства, должно особливо смотрѣть» за убранствомъ волосъ, чтобы были напудрены, и пукли завиты, какъ слѣдуетъ. Въ конномъ строю дозволялось волосы не пудрить и лишь подвивъ въ одну пуклю и оныя крѣпче прижимать или пришивать, дабы развиться не могли. Кирасирамъ и карабинерамъ вмѣнялось въ обязанность «какъ надлежитъ стараться усы отращивать, которые бъ всегда въ строяхъ и караулахъ вверхъ подчесаны и подчернены были; у кого же по молодымъ лѣтамъ натураль-

ныхъ усовъ еще нѣтъ или по природѣ пустобородъ, то употреблять такимъ образомъ накладные».

Требованія внѣшняго щегольства, сложная и неудобная форма вредно отзывались на здоровьѣ солдатъ, тѣмъ болѣе, что за всякое упущеніе въ этой области начальство взыскивало строго и жестоко. Палка была въ такомъ употребленіи, что, по словамъ современника, «стоя въ лагерѣ, отъ зари и до зари, не проходило часа, чтобы не было слышно палочной экзекуціи». Отъ солдата требовали, чтобы онъ всегда былъ вытянутъ, чтобы оружіе его блестѣло и сверкало снаружи. И вотъ, разсказываетъ генералъ Ржевскій: «тесакъ какъ огонь горитъ, а полоса заржавѣла вмѣстѣ съ ножнами. Ружье, какъ зеркало чисто, но не можетъ цѣлко выстрѣлить отъ уродливой ложи, которая нарочно такъ сооружена, чтобы изъ ружья не стрѣлять цѣлко, а имѣть только на плечѣ его прямо». Итакъ, все вниманіе было обращено на внѣшность, чистоту и равненіе. «Войска готовились,—по словамъ генерала Хрущова,—для глазъ и хвалы, а не для войны», и въ этихъ цѣляхъ «тиранство—достоинствомъ, а щегольство фронта—службою именовались». Все это создавало очень, очень много трудностей въ солдатскомъ быту и было причиной того грустнаго явленія въ жизни каждой арміи, которое называется дезертирствомъ. Зло это было довольно распространено. «Цѣлыя массы нашихъ дезертировъ,—говоритъ генералъ А. Петрушевскій, авторъ біографіи А. В. Суворова,—проживали за турецкой границей, и работы въ ближайшей турецкой крѣпости Бендерахъ производились преимущественно ими». Когда Суворовъ въ 1793 году производилъ инспекцію финляндской границы, онъ нашелъ, что въ одномъ только полку изъ общаго состава полка въ 1500 человѣкъ за недѣлю съ 1-го по 8-е апрѣля бѣжало 24 человѣка. «Нисколько не колеблясь,—говоритъ А. Петрушевскій,—Суворовъ отнесъ такія позорныя явленія «къ совершенному предосужденію полковыхъ командировъ» и въ этомъ направленіи сталъ дѣйствовать. По его же приказанію или примѣняясь къ его взглядамъ, одинъ изъ пограничныхъ начальниковъ, генералъ кн. Волконскій, отдалъ приказъ, чтобы ротные командиры не смѣли наказывать солдатъ больше какъ 15 палочными ударами».

Такое положеніе дѣла во внутренней жизни арміи, конечно, не могло не возбуждать чувства тревоги и безпокойства у тѣхъ, кто былъ воиномъ по призванію и кому судьба судила водить войска противъ непріятеля. Фельдмаршалы гр. П. А. Румянцевъ-За-

дунайскій, кн. Г. А. Потемкинъ-Таврическій, гр. А. П. Суворовъ-Рымникскій постоянно заняты мыслью о такихъ реформахъ въ русской арміи, которыя бы устранили все описанное зло и дали бы такое устройство жизни и быта солдатъ, въ которомъ почетное званіе воина и защитника отечества не попиралось бы разгуломъ корыстолюбія, невѣжества, грубости, въ которомъ солдатъ и младшій офицеръ учились бы своему настоящему воинскому дѣлу и вышли бы изъ унизительнаго для воина положенія безотвѣтныхъ рабовъ «вышняго начальства».

Какъ частные военачальники П. И. Панинъ, П. А. Румянцевъ и А. В. Суворовъ, какъ могли и умѣли, облегчали тяжелое положеніе своихъ подчиненныхъ и со всей присущей имъ энергіей ополчались противъ злоупотребленій въ хозяйственной части, противъ побоевъ и ненужной жестокости. Но это были частныя мѣропріятія, которыя отпадали, когда эти генералы получали другія назначенія.

Мѣры общаго характера, имѣвшія задачей реформировать русскую армію, были предприняты съ 1780-хъ годовъ кн. Г. А. Потемкинымъ - Таврическимъ, тогдашнимъ президентомъ Военной Коллегіи. Отдѣльными распоряженіями онъ провелъ мѣры, облегчавшія снаряженіе солдата, и сталъ строго преслѣдовать за побои и жестокое обращеніе съ нижними чинами. 4 апрѣля 1783 года кн. Потемкинъ представилъ государынѣ докладъ, въ которомъ ярко и отчетливо формулировалъ тѣ мѣры, которыя, по его мнѣнію, должны быть осуществлены въ цѣляхъ облегченія солдату его трудной жизни. Указывая въ своемъ докладѣ, какъ постепенно упрощалось вооруженіе воиновъ, по мѣрѣ прогресса военнаго дѣла, какъ тяжелые шлемы и латы исчезали, оставаясь только какъ украшеніе, какъ при измѣненіи амуниціи, когда послѣ желѣзныхъ латъ и шлемовъ все казалось легко, и потому «ввели множество вещей излишнихъ и нескладныхъ», Потемкинъ продолжаетъ: «когда же въ Россіи вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные съ педантствомъ того времени, а наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда (вооруженія), почли все священнымъ и какъ-будто таинственнымъ: имъ казалось регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, въ ружейныхъ пріемахъ и проч. Занимая себя такою дрянью и до сего еще времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей, какъ-то: маршированія, разныхъ построеніевъ и оборотовъ, что касается до исправности

ружья, тутъ полированье и лощенье предпочли добротѣ, а стрѣлять почти не умѣютъ, словомъ: одежда войскъ нашихъ и амуниція таковы, что придумать еще нельзя лучше къ угнетенію солдата, тѣмъ паче, что онъ взятъ будучи изъ крестьянъ, въ тридцать лѣтъ уже почти узнаетъ узкіе сапоги, множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей, вѣкъ сокращающихъ. Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтствіи вещей съ ихъ употребленіемъ; платье должно служить солдату одеждой, а не въ тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плодъ роскоши, требуетъ много времени, иждивенія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ»... И далѣе Потемкинъ предлагаетъ замѣнить треугольную шляпу легкой каской, распашной кафтанъ съ камзоломъ глухо застегивающимся кафтаномъ, вмѣсто лосинныхъ штановъ, которые зимой не грѣютъ, а лѣтомъ не холодятъ, предлагаетъ суконные на зиму, полотняные на лѣто: «Въ старину лосину носили для того,—пишетъ кн. Потемкинъ, — что употребляли желѣзные латы и какъ лосина больше могла сносить, нежели сукно, то потому и предпочиталась, а теперь отъ нея только убытокъ несносный», «притомъ много заботитъ чищеніемъ и трудностью надѣванія»; вмѣсто узкихъ сапогъ Потемкинъ предлагаетъ ввести легкіе, короткіе полусапожки. Больше всего ополчается онъ противъ пудры и косъ: «завиваться, пудриться, плесть косы, — пишетъ онъ,—солдатское ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же пукли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами. Туалетъ солдатскій долженъ быть таковъ, что всталъ, то и готовъ. Если бы можно было счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ! Простительно ли, чтобы стражъ цѣлости отечества удрученъ былъ прихотьми, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ?..» «Каска—верхъ выгоды и способности въ употребленіи своемъ, имѣетъ предъ шляпою ту предпочтительность, что видъ даетъ пригожій солдату и есть нарядъ военный характеристическій».

Императрица одобрила предложенія кн. Потемкина и постепенно, но безъ промедленія, одежда арміи и отношеніе ея къ внѣшнему своему виду были осуществлены. Солдатъ вздохнулъ свободнѣе. «Когда угодно было,—пишетъ современникъ, генералъ Хрущовъ,—прекратить уборку и остричь волосы, знатная

причина эта отняла много отъ спинъ солдатскихъ палочныхъ ударовъ; широкое платье вовсе избавило отъ побоевъ нижнихъ чиновъ... и тѣмъ самымъ тиранство въ войскѣ совершенно и нечувствительно истребилось». Кн. Потемкинъ особенно внушалъ подчиненнымъ о вредѣ и безчестности побоевъ. «Солдатъ есть названіе честное, которымъ и первые чины именуются»,— писалъ Г. А. Потемкинъ, и строго приказывалъ пресѣкать чрезмѣрные побои, «вмѣсто которыхъ лучшее средство ясно толковать людямъ, что имъ знать должно». «Евангеліе и долгъ военнаго человѣка побуждаютъ пещись о сохраненіи людей... Я худо сплю отъ сей заботы... Возьмите солдатъ въ ваше призрѣніе, дабы они были въ удовольствіи, истребляя побои... Господамъ полковникамъ и батальоннымъ командирамъ прилежнѣйше предписываю имѣть наблюденіе, чтобъ солдаты всю положенную имъ одежду и обувь имѣли и чрезъ то могли бы суровость военнаго времени сносить безъ изнуренія. Строго я буду взыскивать, если какое въ томъ нерадѣніе усмотрѣно будетъ, и если солдаты будутъ подвержены претерпѣнію нужды отъ того, что худо одѣты и обуты...» «Гг. офицерамъ объявить, чтобъ съ людьми обходились со всевозможною умѣренностью, старались бы объ ихъ выгодахъ, въ наказаніяхъ не преступали бы положенныхъ, были бы къ нимъ такъ, какъ я, ибо я ихъ люблю какъ дѣтей. До службы касающагося не упускать ни на малую черту. Имѣть смотрѣніе рачительное, попеченіе отеческое о солдатахъ. Наказанія были бы умѣренныя, служащія къ исправленію, а не къ увѣчью; чтобы людямъ все должное доходило»... Но воинская дисциплина должна стоять на высотѣ. «Я предписалъ,—говоритъ кн. Г. А. Потемкинъ,—чтобы наказанія были легкія, но если бы кто дерзнулъ предъ командиромъ быть ослушенъ, того я накажу равнымъ смертнымъ наказаніемъ». Потемкинъ реформировалъ госпитали, строилъ прочныя, удобныя и теплыя казармы, не жалѣя на это никакихъ расходовъ. Совершенно измѣнилъ онъ и принципы ученія солдатъ военному дѣлу, выбросивъ «яко дрянь», все ненужное, преслѣдующее только парадный блескъ: «стоять подъ ружьемъ бодро,—писалъ онъ,— только не окостенѣвши, какъ прежде было въ модѣ»... «Маршъ долженъ быть шагомъ простымъ и свободнымъ, чтобы не утруждаяся больше впередъ подвигаться». «Обучать людей съ терпѣніемъ и ясно толковать способы къ лучшему исполненію»... «Вселять въ нихъ духъ военный и любовь между собою, дабы при всякомъ случаѣ другъ другу помогали и не выдавали бы

въ дѣлѣ»... Большой дѣловитостью и практичностью проникнуты всѣ инструкціи Потемкина объ обученіи солдатъ строю, стрѣльбѣ, построеніямъ; вездѣ онъ проводитъ необходимость пробуждать въ солдатахъ духъ инициативы, предпріимчивости и совсѣмъ мало говоритъ о показной парадной сторонѣ военнаго дѣла.

«Рядъ организаціонныхъ перемѣнъ и идей, положенныя въ основу обученія войскъ Румянцевымъ, Суворовымъ и Потемкинымъ, переходили въ плоть и кровь русской арміи,—говоритъ ген. Н. Ф. Дубровинъ,—разливались въ ней, и она скоро стала во главѣ европейскихъ армій». Новая постановка военнаго дѣла въ Россіи привлекала вниманіе выдающихся военныхъ людей Европы, и съ этого времени замѣчается особо усиленный наплывъ въ русскую армію иностранцевъ, стремившихся изучать потемкинскія военныя правила въ ихъ практическомъ примѣненіи. Въ потемкинской школѣ выросли и воспитались такіе военные вожди послѣдующаго времени, какъ кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ, Барклай-де-Толли, Н. Каменскій и многіе другіе. Къ сожалѣнію, здравые принципы потемкинской организаціи и обученія войска были скоро забыты послѣ смерти свѣтлѣйшаго, а Павловское царствованіе и совсѣмъ искоренило ихъ изъ обихода русской арміи, повернувъ все на прежнюю муштру и парадность.

Тѣ военные успѣхи, которые достигнуты были тяжкимъ трудомъ екатерининскихъ солдатъ и ихъ вождей, вызывали въ русскомъ обществѣ тѣхъ временъ большой и живой интересъ къ арміи и ея подвигамъ. «Со второй половины XVIII вѣка,—говоритъ академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій,—русское общество стало все болѣе и болѣе интересоваться этими «блистательными политическими дѣлами»... «Счастливыя и торжественныя судьбины» собственныхъ войскъ не только интересовали, но и радовали россійскихъ гражданъ; «каждый изъ нихъ, напримѣръ, слыхалъ о великомъ днѣ Кагульскомъ и проливалъ радостныя слезы, достойныя русскаго сердца». Если не всѣ кампаніи были подобны 1770 году, «самому цвѣтущему году нашей воинской славы», то, во всякомъ случаѣ, всѣ онѣ увѣнчались успѣхомъ, который «исторгалъ изъ очей современниковъ слезы, кои разливали во всѣхъ тончайшихъ каналахъ ихъ бреннаго состава нѣкую пріятность, пробуждали «патріотическое удовольствіе» современниковъ и усиливали въ нихъ чувство національной гордости.

Настроеніе русскаго общества, вызванное удачными и «Богу угодными» побѣдами, ярко отражалось въ литературѣ того вре-

меіи. Одописцы охотно перечисляли поименно русскихъ героевъ и прославляли ихъ «совершенныя и знаменитыя побѣды», одержанныя ими надъ врагами при помощи «горящихъ любовью къ отечеству войскъ». Не только подвиги Суворова и Румянцова, дѣятельность Орлова и Потемкина, но и «немерцаемая слава россійскихъ солдатъ» вообще вызывала искренніе восторги современниковъ и «рождала стихи», въ которыхъ поэты выражали чувства всѣхъ гражданъ и воспѣвали «громкіе бои» русскаго воинства въ назиданіе потомству.

«Событія внѣшней политики еще сильнѣе заинтересовали русское общество послѣ того, какъ оно увидѣло, что подвиги національныхъ героевъ вызываютъ удивленіе и уваженіе заграничныхъ сосѣдей... что, конечно, не мало льстило національному самолюбію и придавало новое, самостоятельное значеніе Россіи въ международныхъ отношеніяхъ. «Россія,—по замѣчанію одного современника,—послѣ Петра I мало имѣвшая участія въ дѣлахъ Европы, въ царствованіе Екатерины II приняла на политическомъ театрѣ дѣйствительную ролю; она показала себя въ уважительной осанкѣ...»

«Такимъ образомъ, благодаря удачнымъ войнамъ второй половины XVIII-го вѣка «увѣнчиваемымъ... полезнѣйшими и выгоднѣйшими» мирными трактатами, «Россія привыкла—славы къ блескамъ, къ торжествамъ и плескамъ», а «духъ» современниковъ приходилъ въ «восхищеніе» при созерцаніи «отечества своего красна, величественна и славна...» Естественно, что при такихъ условіяхъ внѣшняя политика правительства стала пользоваться довѣріемъ общества: въ концѣ царствованія Екатерины «никто при начатіи войны не унывалъ и... военные съ охотою шли на сраженіе...» Солдаты начинали чувствовать свое «достоинство» и «за стыдъ ставили бояться турокъ», а офицеры «знали цѣну непріятелей своего отечества» и утверждали, что «не турки на русскихъ, но русскіе на турокъ наводятъ страхъ и ужасъ».

И дѣйствительно, до Екатерининскихъ временъ международное положеніе Россіи было не изъ завидныхъ. «Международная улица Россіи была тѣсна,—говоритъ проф. В. О. Ключевскій,—ограничиваясь шведскими и польскими тревогами, да турецко-татарскими опасностями. Швеція помышляла объ отместкѣ и начиналась недалеко за Петербургомъ; Польша стояла на Днѣпрѣ; ни одного русскаго корабля не было на Черномъ морѣ; по сѣверному побережью его господствовали турки и татары, отнимая у Россіи южную степь и грозя ей разбойни-

чьими набѣгами... Прошло 34 года царствованія Екатерины— и Польши не существовало, южная степь превратилась въ Новороссію, Крымъ сталъ русской областью, между Днѣпромъ и Днѣстромъ не осталось и пяди турецкой земли, контръ-адмиралъ Ушаковъ съ черноморскимъ флотомъ, въ 1791 г. дравшійся съ турками недалеко отъ Константинополя, семь лѣтъ спустя вошелъ въ Босфоръ защитникомъ Турціи, а въ Швеціи только душевно-нездоровые люди въ родѣ короля Густава IV продолжали думать объ отместкѣ. Международный горизонтъ Россіи раздвинулся дальше ея новыхъ предѣловъ и за ними открылись перспективы, какія со времени Петра I едва ли представлялись самому дальнозоркому русскому глазу: взятіе Константинополя, освобожденіе христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, разрушеніе Турціи, возстановленіе Византійской имперіи. Держава второго класса стала считаться первою военною державой въ Европѣ и даже, по признанію англичанъ, «морскимъ государствомъ очень почтеннымъ», самъ Фридрихъ II въ 1790 году называлъ ее страшнымъ могуществомъ, отъ котораго чрезъ полвѣка будетъ дрожать вся Европа, а кн. Безбородко въ концѣ своей дипломатической карьеры, говорилъ молодымъ русскимъ дипломатамъ: «не знаю, какъ будетъ при васъ, а при насъ ни одна пушка въ Европѣ безъ позволенія нашего выпалить не смѣла...»

Этотъ огромный успѣхъ былъ достигнутъ въ значительной своей части трудомъ русскаго солдата. Правда, эти успѣхи во внѣшней политикѣ не мало содѣйствовали перемѣщенію интересовъ и самой Екатерины, и ея сотрудниковъ, и русскаго общества отъ вопросовъ внутренняго устройства, въ которомъ такъ нуждалась Россія, истощаемая войнами, къ вопросамъ военной славы и внѣшнихъ успѣховъ; правда, что военный успѣхъ остановилъ мирное развитіе русской жизни и во многомъ подрывалъ благосостояніе имперіи, но взятые сами по себѣ результаты внѣшней политики и военной дѣятельности Екатерины все же огромны, хотя и были куплены дорогой цѣной. Но это уже другой вопросъ.

Важнѣйшія пособія: *Н. Ѳ. Дубровинъ*, А. В. Суворовъ среди преобразователей Екатерининской арміи; *А. Петрушевскій*, Генералиссимусъ князь А. В. Суворовъ; *А. Г. Брикнеръ*, Потемкинъ; *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи составленные въ царствованіе Екатерины II; и др.

Новая цена
Руб — коп. 08

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ*, *предкахъ русскаго народа*, *объ ихъ торговлѣ*, *о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси*, *о судѣ*, *объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія,приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*" и „*Дворъ удѣльнаго князя*".

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ" государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*" и „*Расколъ церкви*". Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ— взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и ука реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризу как время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаво посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*", „*Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ*", „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*", „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*".

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*" характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*", даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—„*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*".) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*", пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*" (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*".

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-во скоропеч. А. А. Левенсонъ, Москва.